

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(ВТОРАЯ СЕКЦИЯ)

**ДЕЛО «КЛЯХИН (KLYAKHIN) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»¹**
(Жалоба № 46082/99)

Постановление Суда

Страсбург, 30 ноября 2004 г.

По делу «Кляхин против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Вторая секция), заседая Палатой в составе:

Ж.-П. Коста, *Председателя Палаты*,

А.Б. Бака,

И. Кабрала Баррето,

К. Юнгвирта,

В. Буткевича,

А.Ковлера,

А. Муларони, *судей*,

а также при участии С. Долле, *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 14 октября 2003 г. и 9 ноября 2004 г.,

вынес на последнем заседании следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 46082/99), поданной 24 июля 1998 г. в Европейскую Комиссию по правам человека против Российской Федерации гражданином России Константином Владимировичем Кляхиным (далее – заявитель) в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Интересы заявителя в Европейском Суде представляли Кирилл Коротеев, Дина Ведерникова и Уильям Бауринг, юристы Европейского центра защиты прав человека – центра «Мемориал» (ENHRAC/Memorial) – общественной правозащитной организации, расположенной в г. Москве и г. Лондоне. Власти Российской Федерации в

---

¹ Перевод с английского М.Виноградова. Перевод текста постановления предоставлен редакцией Бюллетеня Европейского Суда по правам человека. Текст опубликован в Бюллетене Европейского Суда по правам человека № 7/2005.

Европейском Суде были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявитель утверждал, в частности, его предварительное содержание под стражей было чрезмерно длительным в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции и что у него не было возможности обжаловать его предварительное заключение в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции. Он также утверждал, что уголовное дело в отношении него не было рассмотрено в разумный срок в нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции. Ссылаясь на статьи 8 и 13 Конвенции, заявитель утверждал, что администрация следственного изолятора проверяла его переписку с Европейским Судом и что у него не было внутренних средств правовой защиты в связи с этим. Он также утверждал, что администрация следственного изолятора препятствовала в доставлении ему корреспонденция Европейского Суда в нарушение положений статьи 34 Конвенции.

4. Жалоба была передана в Европейский Суд 1 ноября 1998 г., когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (пункт 2 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции).

5. Жалоба была передана на рассмотрение в Третью секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках секции Палата, рассматривающая дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента.

6. Решением от 14 октября 2003 г. Европейский Суд признал жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу.

7. 1 ноября 2004 г.* Европейский Суд изменил состав своих секций (пункт 1 правила 25 Регламента Суда). Дело было передано на рассмотрение во Вторую секцию в новом составе.

8. Заявитель и власти Российской Федерации представили свои замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель, Константин Владимирович Кляхин – гражданин России, 1966 года рождения, проживает в г. Армавире, Краснодарский край, Российская Федерация.

1. Предварительное заключение и производство по уголовному делу

---

* Так в тексте

10. 13 августа 1997 г. заявитель был задержан и запуган группой людей предположительно потому, что последние хотели, чтобы он дал показания против своего родственника К. – сотрудника прокуратуры г. Армавира.

11. 26 августа 1997 г. заявитель был арестован по подозрению в соучастии в грабеже, вместе с К. и третьим лицом, У. Соответствующее обвинение против заявителя было выдвинуто теми, кто предположительно запугивал его.

12. С 26 по 29 августа 1997 г. заявитель несколько раз допрашивался следователем прокуратуры, иногда в присутствии прокурора г. Армавира. Заявителю был назначен адвокат, однако заявитель отказался от его услуг, поскольку не доверял ему.

13. 29 августа 1997 г. прокурор г. Армавира санкционировал заключение заявителя под стражу по подозрению в совершении кражи. 5 сентября 1997 г. заявителю было официально предъявлено обвинение в соучастии в разбое.

14. 11 сентября 1997 г. заявитель обжаловал законность и обоснованность заключения под стражу. 6 октября 1997 г. Армавирский городской суд отказал в удовлетворении его жалобы без приведения на то причин.

15. 24 января 1998 г. предварительное расследование по делу было окончено, и заявитель получил возможность ознакомиться с материалами дела с 24 по 27 января 1998 г. На этой стадии присутствовал адвокат, от услуг которого заявитель позднее отказался. Обвинительное заключение в отношении заявителя было направлено в Армавирский городской суд 27 или 28 января 1998 г.

16. 26 января 1998 г. уголовное дело было передано в Армавирский городской суд. После этого все жалобы и ходатайства заявителя, поданные в другие органы власти, были направлены в указанный суд в соответствии со статьей 217 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

17. 16 февраля 1998 г. Армавирский городской суд назначил первое судебное заседание по делу на 4 марта 1998 г. В отношении заявителя и двух других обвиняемых по делу была оставлена прежняя мера пресечения в виде заключения под стражу без указания причин.

18. 4 марта 1998 г. судья Армавирского городского суда отложил рассмотрение дела, поскольку установил, что заявитель не имел возможности в полном объеме ознакомиться с материалами дела. С 19 февраля по 27 марта 1998 г. заявителю было предоставлено дополнительное время для ознакомления с материалами дела и было официально вручено обвинительное заключение. Заявитель утверждал, что ему представлялись только короткие отрезки времени в течение нескольких дней для ознакомления с шестьюстами страницами материалов дела. Он также утверждал, что был скован наручниками при ознакомлении с указанными материалами, а также что у него были проблемы с копированием соответствующих документов.

19. 20 апреля 1998 г. назначенное судебное заседание не состоялось по причине отсутствия потерпевших и одного из представителей подсудимых. 22 апреля 1998 г. судья назначил психиатрическое освидетельствование подсудимого У. и отложил рассмотрение дела.

20. Как представляется, следующие слушания были назначены, но отложены или прекращены 31 августа 1998 г., 30 сентября 1998 г., 5 января 1999 г. и 20 января 1999 г.

21. 5 мая 1998 г. в отношении Российской Федерации вступила в силу Европейская конвенция о защите прав человека.

22. 30 сентября 1998 г. Армавирский городской суд своим определением отклонил ходатайства заявителя и подсудимого К. об освобождении из-под стражи, мотивировав тем, что «на данной стадии разбирательства их освобождение могло повлиять на дальнейший ход судебного разбирательства по делу». 11 ноября 1998 г. Краснодарский краевой суд оставил без удовлетворения жалобу подсудимого К. на это решение суда.

23. Определением Армавирского городского суда от 21 января 1999 г. рассмотрение дела было отложено в связи с болезнью У. Этим же определением суда был продлен срок заключения заявителя под стражей. 25 января 1999 г. заявитель подал жалобу прокурору г. Армавира в связи с продлением срока своего ареста. 5 марта 1999 г. он был проинформирован о том, что его содержание под стражей является законным, и что он может обжаловать законность и обоснованность содержания под стражей в Армавирский городской суд.

24. Разбирательство дела было возобновлено 29 марта 1999 г., и 6 апреля 1999 г. Армавирский городской суд направил дело в прокуратуру для производства дополнительного расследования.

25. 8 и 16 апреля 1999 г. заявитель подавал жалобы на имя председателя Армавирского городского суда, оспаривая применение к нему заключения под стражу. Ответов на эти жалобы он не получил.

26. 27 апреля 1999 г. прокурор г. Армавира обжаловал определение от 5 марта 1999 г. о направлении дела для производства дополнительного расследования. 16 июня 1999 г. Краснодарский краевой суд отменил упомянутое определение суда первой инстанции и возвратил дело в Армавирский городской суд для рассмотрения дела по существу. Краснодарский краевой суд также решил продлить срок содержания под стражей заявителя и подсудимых К. и У. без указания причин.

27. 4 августа 1999 г. судебное разбирательство по делу было возобновлено, а 16 августа 1999 г. заявитель был признан виновным в грабеже и осужден Армавирским городским судом к пяти годам лишения свободы. Его интересы представлял адвокат. Заявитель обжаловал приговор, и 20 октября 1999 г. Краснодарский краевой суд оставил без изменения приговор Армавирского городского суда. По-видимому,

заявитель не присутствовал на заседании по его кассационной жалобе, и он был проинформирован об итогах ее рассмотрения 12 ноября 1999 г. Соответственно, приговор от 16 августа 1999 г. вступил в законную силу, и заявитель был направлен в учреждение для отбывания наказания.

28. 2 декабря 1999 г. президиум Краснодарского краевого суда в порядке надзора по представлению председателя Краснодарского краевого суда отменил приговор Армавирского городского суда от 16 августа 1999 г. (оставленный без изменения 20 октября 1999 г.) в связи с допущенными процессуальными нарушениями и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

29. Дело было возвращено в Армавирский городской суд 20 декабря 1999 г. 30 декабря 1999 г. заявитель был вновь помещен в Армавирский следственный изолятор (СИЗО 18/2). 23 марта 2000 г. был назначен судья для рассмотрения дела.

30. 17 апреля 2000 г. началось слушание по делу в Армавирском городском суде, который 18 апреля 2000 г. назначил судебно-психиатрическую экспертизу в отношении заявителя. Такая экспертиза была необходима по причине «странного поведения, которое вызывало сомнения в психическом состоянии заявителя». Само поведение выражалось в «неадекватной реакции на вопросы, [и] постоянной подаче надуманных и необоснованных ходатайств». В течение нескольких месяцев заявителю не предоставлялась копия определения суда о назначении экспертизы. Он обжаловал указанное определение и законность своего содержания под стражей в Армавирский городской суд 19, 24 и 25 апреля 2000 г., а также 12, 23 и 25 мая 2000 г., но ответов на свои жалобы не получил. Заявитель также обращался с жалобами к прокурору г. Армавира 25 апреля 2000 г. и в прокуратуру Краснодарского края 21 апреля 2000 г. В обоих случаях он получил ответ, что его жалобы направлены в Армавирский городской суд. Власти Российской Федерации проинформировали Европейский Суд о том, что данные жалобы касались действий судьи суда первой инстанции, рассматривавшего дело, и не затрагивали вопросов законности содержания под стражей.

31. Материалы дела были направлены в Краснодарскую психиатрическую больницу 3 мая 2000 г. 28 июня 2000 г. дело было возвращено в Армавирский городской суд, заключение экспертизы подготовлено не было. 20 июля 2000 г. судья Армавирского городского суда вынес определение о назначении новой судебно-психиатрической экспертизы на основе амбулаторного обследования заявителя. Заявитель объявил голодовку в зале суда, которая, предположительно, продолжалась до 30 июля 2000 г. Он утверждал, что судья, председательствующий при рассмотрении его дела, не был беспристрастным и что он угрожал его родственникам.

32. Заявитель подал жалобу на определение о назначении психиатрической экспертизы в прокуратуру г. Армавира, прокуратуру Краснодарского края, Краснодарский краевой суд, квалификационную коллегия судей Краснодарского края и другие органы. 9 и 24 августа 2000 г. Квалификационная коллегия судей

Краснодарского края направила жалобы заявителя в Армавирский городской суд. 28 сентября 2000 г. Краснодарский краевой суд сообщил заявителю, что его жалоба была направлена в Армавирский городской суд, который должен был направить материалы по делу для слушаний по жалобе в краевой суд. Соответствующего судебного заседания не проводилось.

33. 29 сентября 2000 г. председатель Армавирского городского суда ответил заявителю и в квалификационную коллегия судей Краснодарского края, что при разбирательстве дела не было допущено нарушений законодательства Российской Федерации. Он отверг утверждения заявителя о том, что председательствующий судья угрожал его родственникам, и назвал эти утверждения «надуманными и необоснованными». Письмо содержало вывод о том, что отсутствовали основания ставить под сомнение беспристрастность и компетентность председательствующего судьи.

34. 9 октября 2000 г. медицинская комиссия провела обследование заявителя в следственном изоляторе и признала его вменяемым.

35. В период с февраля по декабрь 2000 года заявитель подал девять ходатайств в Армавирский городской суд о получении дополнительного доступа к материалам дела. Его ходатайство было удовлетворено. С 8 по 15 декабря 2000 г. заявителю был разрешен доступ к материалам дела и он мог делать рукописные копии соответствующих документов. Заявитель утверждал, что ему разрешалось около полутора часов в день знакомится с материалами дела объемом примерно пятьсот страниц.

36. 18 декабря 2000 г. судебное заседание было отложено. 21 декабря 2000 г. заявитель подал жалобу в Краснодарский краевой суд на определение об отложении дела, но его жалоба не была рассмотрена.

37. 23 января 2001 г. разбирательство дела в Армавирском городском суде было возобновлено, и 9 февраля 2001 г. заявитель был признан виновным в покушении на грабеж и был приговорен к четырем годам лишения свободы. Заявитель не обжаловал упомянутый приговор, и он вступил в законную силу. Заявитель был освобожден из-под стражи 9 февраля 2001 г. К этому времени он провел в заключении три года пять месяцев и 13 дней, и к нему был применен акт амнистии. К. и У. – подсудимые по делу заявителя - также были приговорены к различным срокам лишения свободы, но вследствие акта амнистии были освобождены от отбытия наказания.

2. Переписка с Европейским Судом

38. Заявитель утверждал, что в июне 1998 года администрация СИЗО-18/2, где он содержался под стражей, отказалась направить его жалобу в Европейский Суд.

Заявитель передал свое письмо через родственников, которые отправили его 24 июля 1998 г.

39. Пояснительная записка, приложенная к письму Секретариата Европейского Суда от 14 августа 1998 г. не была передана заявителю.

40. Кроме того, заявитель утверждал, что 25 марта 1999 г. он направил письмо в Европейский Суд с приложениями, которое так и не было получено Европейским Судом. 10 июня 1999 г. заявитель повторно направил это письмо через свою мать.

41. Письмо заявителя в Европейский Суд от 8 июня 2000 г. было отправлено 20 октября 2000 г. Заявитель перечислил ряд приложений к этому письму, ни одно из которых не дошло до Европейского Суда. Заявитель вновь направил их 29 декабря 2000 г. через своих родственников.

42. Администрация пенитенциарного учреждения не разрешила заявителю хранить переписку с Европейским Судом, которая предоставлялась ему на один день, а затем отбиралась.

43. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель направил два письма в Европейский Суд во время нахождения под стражей – 8 июня 2000 г. и 5 января 2001 г. Оба письма были отправлены администрацией следственного изолятора, о чем имеются почтовые уведомления. Заявитель получил из Европейского Суда три письма в ответ от 8 сентября 1998 г., 9 августа 1999 г. и 11 января 2000 г., все они были немедленно переданы заявителю в полной целостности и целиком. В качестве подтверждения власти Российской Федерации представили копию почтового уведомления, сохраняемого администрацией учреждения, которое подтверждает получение заявителем трех писем из Европейского Суда.

44. По утверждению властей Российской Федерации, в декабре 2003 года в законодательство Российской Федерации были внесены изменения, положившие конец цензуре переписки с Европейским Судом по правам человека в местах лишения свободы.

45. Как представляется, в декабре 2000 года заявитель предпринимал попытки привлечь к суду почтовую службу за недоставление его письма от 8 июня 2000 г. в Европейский Суд. 16 января 2001 г. Армавирский городской суд отказал ему в рассмотрении по существу его иска к почте г. Армавира о возмещении имущественного и морального вреда. 15 марта 2001 г. Краснодарский краевой суд отменил определение от 16 января 2001 г. и направил дело на новое рассмотрение. Далее, как представляется, 11 мая 2001 г. Армавирский городской суд, рассмотрев упомянутый иск заявителя к почте по существу, отклонил его. Заявитель не обжаловал последнее упомянутое решение.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

46. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, действовавший на момент событий, в статье 96 предусматривал, что содержание под стражей применяется в качестве меры пресечения, если лицо обвиняется в совершении преступления, наказуемого лишением свободы сроком более чем на один год.

47. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в статье 217 предусматривал, что после завершения расследования прокурор должен утвердить обвинительное заключение и передать дело в суд. Поэтому все жалобы и ходатайства должны направляться непосредственно в суд, рассматривающий дело.

48. Согласно статьям 220-1 и 220-2 УПК РСФСР жалоба на решение о продлении срока содержания под стражей рассматривается судом.

49. Статьи 223-1 и 230 УПК РСФСР предусматривали, что в случае если обвиняемый находится под стражей, судья должен назначить дату первого судебного заседания в течение 15 дней с момента получения материалов дела от прокурора. В своем постановлении судья также должен разрешить вопрос о том, должен ли обвиняемый оставаться под стражей до суда.

50. Статья 331 УПК РСФСР исключала возможность обжалования некоторых постановлений и определений суда, рассматривающего дело, о назначении даты судебного заседания, о направлении дела для производства дополнительного расследования, о помещении в медицинское учреждение для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Упомянутые положения статьи 331 УПК РСФСР были признаны Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации в той части, насколько они препятствуют лицам, находящимся под стражей, обжаловать судебные постановления и определения, которые фактически продляют срок их содержания под стражей.

51. Статьи 17 и 21 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривают, что заключенные имеют неограниченное право подавать жалобы и вести переписку с правительственными и неправительственными учреждениями. Жалобы, адресованные прокурору, в суды и другие органы власти, обладающие полномочиями по надзору за законностью содержания под стражей, не подлежат цензуре и должны направляться адресату в запечатанном конверте. Другие письма и жалобы подлежат цензуре со стороны администрации и должны отправляться в течение трех дней с момента их подачи. Любое решение администрации следственного учреждения пенитенциарной системы может быть обжаловано вышестоящему должностному лицу, прокурору или в суд. Аналогичные положения содержатся в статье 9 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-

исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных приказом МВД России от 20 декабря 1995 г. № 486; Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных приказом Минюста России от 12 мая 2000 г. № 148, с изменениями от 21 февраля 2002 г.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

52. Заявитель жаловался на то, что его право на рассмотрение делом суд в течение разумного времени или право быть освобожденным из-под стражи до суда было нарушено. Он ссылаясь на пункт 3 Статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Доводы сторон

53. Власти Российской Федерации утверждали, что период содержания заявителя под стражей не был неразумным и соответствовал национальному законодательству. Власти Российской Федерации также утверждали, что период содержания заявителя под стражей до 5 мая 1998 г. не подпадает под компетенцию Европейского Суда *ratione temporis*.

54. Что касается оснований содержания заявителя под стражей, власти Российской Федерации сослались на положения действовавшего на момент событий законодательства, согласно которому содержание под стражей могло быть применено лишь на основании тяжести наказания по инкриминируемому деянию. Они также сослались на тот факт, что заявитель был ранее судим.

55. Заявитель счел, что не было необходимости помещать его под стражу и держать в заключении в течение продолжительного периода времени, поскольку не было признаков того, что он собирается препятствовать установлению истины по делу или что заключение под стражу способствовало бы предупреждению совершения им нового преступления или препятствовало бы ему скрыться после совершения преступления. Власти Российской Федерации привели недостаточно относимых и достаточных оснований для оправдания его заключения под стражу. Относительно

действий властей Российской Федерации заявитель утверждал, что они не проявили особого проворства при рассмотрении его дела.

56. Заявитель также указывал на то, что хотя период времени до 5 мая 1998 г. *ratione temporis* не подпадает под юрисдикцию Европейского Суда, он просил Европейский Суд принять во внимание, что к 5 мая 1998 г. он уже находился под стражей более восьми месяцев.

В. Мнение Европейского Суда

1. Рассматриваемый временной период

57. Прежде всего, Европейский Суд напомнил, что при определении длительности содержания под стражей во время рассмотрения дела судом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции период, который необходимо рассматривать, начинается в день, когда обвиняемый берется под стражу, и оканчивается днем, когда по предъявленному обвинению выносится решение, даже если оно выносится только судом первой инстанции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии» (*Wemhoff v. Germany*) от 27 июня 1968 г., Series A, № 7, p. 23, § 9, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, *ECHR* 2000-IV, §§ 145 и 147).

58. Европейский Суд напомнил, что хотя его юрисдикция *ratione temporis* распространяется только на период времени после вступления Конвенции в силу в отношении России 5 мая 1998 г., Европейский Суд принимает во внимание положение судебного разбирательства на данный момент (см., среди прочих прецедентов, *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Ягчи и Саргин против Турции» (*Yağci and Sargin v. Turkey*) от 8 июня 1995 г., Series A, № 319-A, p. 16, § 40).

59. В настоящем деле предварительное содержание заявителя под стражей началось 26 августа 1997 г., когда он был задержан. 5 мая 1998 г., на момент, когда Конвенция вступила в силу в отношении России, заявитель находился под стражей восемь месяцев и десять дней. Затем он был осужден судом первой инстанции 16 августа 1999 г., то есть еще примерно через пятнадцать месяцев. С этого момента до вынесения решения суда надзорной инстанции 2 декабря 1999 г. содержание заявителя было обоснованным в соответствии с подпунктом (а) пункта 1 статьи 5 Конвенции, и пункт 3 статьи 5 Конвенции был неприменим. 2 декабря 1999 г. президиум Краснодарского краевого суда вернул дело на рассмотрение в суд первой инстанции, и подпункт (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции и пункт 3 статьи 5 Конвенции стали снова применимы. Их применение прекратилось 9 февраля 2001 г. четырнадцать месяцев спустя, когда заявитель был осужден

Армавирским городским судом и освобожден из-под стражи. Таким образом, заявитель находился под стражей в целом в течение примерно трех лет и двух месяцев, из которых два года, пять месяцев и десять дней имели место после вступления Конвенции в силу в отношении России.

2. Разумность длительности содержания под стражей

60. Европейский Суд напомнил, что вопрос о том, является ли срок содержания под стражей разумным, не может быть разрешен *in abstracto*. Он должен разрешаться отдельно в каждом конкретном деле с учетом его особенностей, причин, приведенным национальными судами и подтвержденных документами фактов, указанных заявителем в его ходатайствах об освобождении из-под стражи. Продление срока содержания под стражей может быть оправдано в конкретном случае, только если имеются определенные указания на довлеющее требование общественных интересов, которые, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивают правило об уважении свободы личности (см., среди прочих прецедентов, Постановление Европейского Суда по делу «W. против Швейцарии» (W. v. Switzerland) от 26 января 1993 г., Series A, № 254-A, р. 15, § 30, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 152).

61. Постоянство обоснованного подозрения в том, что задержанное лицо совершило преступление, является условием *sine qua non* в целях законности длительного содержания под стражей, но по прошествии определенного времени его не достаточно. В этом случае Европейский Суд должен установить, могут ли иные основания, приведенные национальными судами, оправдать лишение свободы. Если таковые основания «относимы» и «достаточны», Европейский Суд должен также установить, проявили ли национальные суды «особое усердие» при проведении судебного разбирательства (см., среди прочих прецедентов, Постановление Европейского Суда по делу «I.A. против Франции» (I.A. v. France) от 23 сентября 1998 г., Reports 1998-VII, р. 2979, § 102, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 153).

62. В своих доводах по существу жалобы власти Российской Федерации ссылались на положения национального законодательства, в частности, на статью 96 УПК РСФСР, в соответствии с которой допускается предварительное содержание под стражей, если наказание, предусмотренное по предъявленному обвинению, может представлять собой лишение свободы сроком более чем на один год.

63. 30 сентября 1998 г. Армавирский городской суд указал в своем определении о продлении срока содержания заявителя под стражей, что «на данной стадии рассмотрения дела [его] освобождение может оказать влияние на проведение последующих судебных заседаний». К этому моменту следствие по уголовному делу

уже было завершено, и дело находилось на рассмотрении в суде. В иных решениях, которыми было санкционировано содержание заявителя под стражей, не указывались причины содержания под стражей, а лишь подтверждалось, что содержание под стражей было законным.

64. Таким образом, как представляется, соответствующие органы власти обосновывали содержание заявителя под стражей двумя обстоятельствами – во-первых, тяжестью предъявленного обвинения, а во-вторых, опасением, что заявитель сможет воспрепятствовать проведению судебных заседаний.

65. Что касается первого обоснования, Европейский Суд напомнил, что хотя тяжесть грозящего наказания и уместно при разрешении данного вопроса, тяжесть предъявленного обвинения не может сама по себе служить оправданием длительного предварительного содержания под стражей. Что касается второго обоснования, национальными судами не были указаны фактические обстоятельства, которые бы подтверждали вывод относительно возможного воспрепятствования со стороны заявителя в надлежащее отправлении правосудия, особенно на стадии рассмотрения дела в суде.

66. Соответственно, Европейский Суд пришел к выводу, что не указав соответствующие факты и сославшись только на положения закона относительно тяжести предъявленного обвинения, власти продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые не могут рассматриваться как достаточные.

67. Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что власти не привели обоснования продления срока содержания заявителя под стражей в рассматриваемый период. В данных обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли проведено судебное разбирательство по делу с достаточным усердием.

68. Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении того, что право заявителя на судебное разбирательство в разумный срок или освобождение из-под стражи не было соблюдено.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

69. Ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, заявитель жаловался на то, что он не мог добиться рассмотрения вопроса о его содержании под стражей в судебном порядке. Пункт 4 статьи 5 Конвенции гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы сторон

70. Власти Российской Федерации утверждали, что законодательство Российской Федерации, а именно часть 1 статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года предоставляло заявителю право добиваться судебной проверки оснований его содержания под стражей. Заявитель воспользовался этим правом, обратившись в Армавирский городской суд, который 14 сентября и 6 октября 1997 г. проверил основания содержания его под стражей и признал его законным. Его дальнейшие жалобы на незаконность содержания под стражей были проверены вышестоящим судом.

71. Заявитель отметил, что его жалоба на незаконное содержание под стражей была рассмотрена Армавирским городским судом только 6 октября 1997 г., и затем 30 сентября 1998 г. Его многочисленные другие жалобы в различные органы власти, включая городской и краевой суды, не были рассмотрены надлежащим образом. Суды не указывали причин продления содержания под стражей и не предоставляли заявителю процессуальных гарантий, необходимых для надлежащего применения принципов пункта 4 статьи 5 Конвенции.

В. Мнение Европейского Суда

72. Европейский Суд напомнил, что в силу пункта 4 статьи 5 Конвенции арестованное или задержанное лицо имеет право на рассмотрение судом процессуальных и материальных условий, обуславливающих «законность» его лишения свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Броган и другие против Соединенного Королевства» (Brogan and others v. United Kingdom) от 29 ноября 1988 г., Series A, № 154-B, p. 34, § 65). Хотя не всегда является необходимым, чтобы процедура в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции содержала те же гарантии, какие требует пункт 1 статьи 6 Конвенции в ходе рассмотрения гражданского или уголовного дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., p. 42, § 78 *in fine*; Постановление Европейского Суда по делу «Медьери против Германии» (Megyeri v. Germany) от 12 мая 1992 г., Series A, № 237-A, p.11, § 22; и Постановление Европейского Суда по делу «Ниедбала против Польши» (Niedbala v. Poland) от 4 июля 2000 г., жалоба № 27915/95, § 66), она должна носить судебный характер и предоставлять гарантии, соответствующие подобному лишению свободы. Важно, чтобы такое лицо имело возможность обратиться в суд и быть заслушанным либо лично, либо, при необходимости, посредством какой-либо формы представительства, при отсутствии чего ему не будут предоставлены «основополагающие гарантии процедуры,

применяемой по вопросам лишения свободы» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии», р. 41, § 76; Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (*Winterwerp v. Netherlands*) от 24 октября 1979 г., Series A, № 33, р. 24, § 60; и Постановление Европейского Суда по делу «Санчес-Рейссе против Швейцарии» (*Sanchez-Reisse v. Switzerland*) от 21 октября 1986 г., Series A, № 107, р. 20, § 51).

73. В настоящем деле предварительное содержание под стражей на момент событий было санкционировано прокурором. Постановление прокурора о применении такой меры пресечения подлежало рассмотрению в суде.

74. Заявитель направил ряд жалоб в суд первой инстанции и в вышестоящие суды на продление срока содержания под стражей. Однако в ходе прошедшего рассмотрения суды не дали оценку доводам, выдвинутым заявителем в отношении оснований его содержания под стражей. Иные жалобы заявителя просто оставались без ответов.

75. Европейский Суд напомнил, что арестованное или задержанное лицо имеет право на судебный пересмотр правомерности его содержания под стражей применительно к процессуальным и материальным условиям, являющимся необходимыми при определении «законности» лишения свободы по смыслу Конвенции. Это означает, что соответствующий суд должен рассмотреть не только соблюдение процессуальных требований, установленных в национальном законодательстве, но и разумность подозрения в совершении преступления, лежащего в основе ареста, и законности преследуемой арестом и последующим содержанием под стражей цели (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Броган и другие против Соединенного Королевства», § 65, и Постановление Европейского Суда по делу «Грауслис против Литвы» (*Grauslys v. Lithuania*) от 10 октября 2000 г., жалоба № 36743/97, §§ 51-55).

76. Хотя пункт 4 статьи 5 Конвенции не устанавливает обязательства давать оценку каждому доводу, содержащемуся в жалобах лиц, содержащихся под стражей, судья, рассматривающий ходатайства об освобождении из-под стражи, должен принимать во внимание конкретные факты, указанные таким лицом и могущие поставить под сомнение наличие условий, необходимых для обоснования «законности» лишения свободы по смыслу Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (*Nikolova v. Bulgaria*), жалоба № 31195/96, *ECtHR* 1999-II, § 61).

77. Доводы заявителя содержали подобные факты и не казались нереальными или явно необоснованными. Не приняв их во внимание, национальные суды не провели судебное разбирательство в объеме и по содержанию в соответствии с требованиями пункта 4 статьи 5 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд напомнил свой вывод об отсутствии достаточных оснований для содержания под стражей, указанный выше при

рассмотрении вопроса об обоснованности причин содержания под стражей (см. §§ 66-68).

78. К тому же остальные жалобы заявителя, особенно касающиеся вопроса продления срока содержания под стражей, остались не рассмотренными (см. выше §§ 25 и 30).

79. Таким образом, в настоящем деле имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

80. Заявитель жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, на то, что уголовное обвинение по его делу не было разрешено в разумный срок.

81. Пункт 1 статьи 6 Конвенции в части, применимо к настоящему делу, гласит:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок ...».

А. Доводы сторон

82. Власти Российской Федерации утверждали, что период времени, подлежащий рассмотрению, продолжался с момента передачи 2 февраля 1998 г. дела заявителя в Армавирский городской суд до момента объявления решения суда 9 февраля 2001 г. Власти Российской Федерации не согласились с тем, что указанный период времени был неразумным. Они утверждали, что в течение этого периода времени дело заявителя рассматривалось тремя судебными инстанциями, включая рассмотрение дела в Армавирском городском суде, которое происходило дважды. Они также утверждали, что заявитель способствовал увеличению продолжительности разбирательства, подавая многочисленные жалобы, в том числе ходатайства о дополнительном ознакомлении с материалами дела, что требовало отложения судебного заседания.

83. Власти Российской Федерации ссылались на болезнь одного из сообвиняемых, повлекшую задержку при рассмотрении дела. После вынесения определения президиума Краснодарского краевого суда 2 декабря 1999 г. об отмене обвинительного приговора в отношении заявителя и направления дела на новое рассмотрение в суд, последовавшие задержки в судебном разбирательстве произошли ввиду того факта, что заявитель и его сообвиняемый были снова переведены в г. Армавир из исправительного учреждения, находящегося в другом субъекте Российской Федерации.

84. Заявитель утверждал, что период времени, подлежащий рассмотрению, начался с 16 февраля 1998 г., когда Армавирский городской суд принял к производству дело заявителя и назначил дату судебного заседания, и окончился 9 февраля 2001 г.

85. Что касается своего поведения, то заявитель утверждал, что его жалобы и ходатайства, подаваемые в ходе разбирательства по делу, были оправданными необходимостью быть осведомленным о материалах дела и защищать себя. Он отметил, что его ходатайства об ознакомлении с материалами дела дважды были удовлетворены Армавирским городским судом, хотя и после значительных задержек. Таким образом, был подтвержден факт нарушения его права на полный доступ к материалам дела до начала судебного заседания.

86. Что касается действий властей Российской Федерации, то заявитель подчеркнул, что его доступ к материалам дела находился под строгим контролем властей и он не имел возможности каким-либо образом ускорить ознакомление с материалами дела. Он также утверждал, что имели место и другие причины, такие, как неявка в судебное заседание других участников процесса, к чему он не имел никакого отношения.

В. Мнение Европейского Суда

1. Рассматриваемый период времени

87. Европейский Суд напомнил, что период времени, который необходимо рассматривать при оценке длительности судебного разбирательства, начался в день, когда лицу «предъявлено обвинение» в автономном и материальном смысле, придаваемом этому понятию (см., среди прочих прецедентов, Постановление Европейского Суда по делу «Корильяно против Италии» (Corigliano v. Italy) от 10 декабря 1982 г., Series A, № 57, p. 13, § 34, и Постановление Европейского Суда по делу «Имбриосца против Швейцарии» (Imbrioscia v. Switzerland) от 24 ноября 1992 г., Series A, № 275, p. 13, § 36). Оно завершается в день вынесения окончательного решения по обвинению или прекращения судебного разбирательства.

88. Европейский Суд также напомнил, что хотя его юрисдикция *ratione temporis* охватывает только период времени после вступления Конвенции в силу в отношении России 5 мая 1998 г., он принимает во внимание состояние судебного разбирательства на эту дату (см., среди прочих прецедентов, *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ягчи и Саргин против Турции», § 40).

89. Период времени, рассматриваемый в настоящем деле, начался 26 августа 1997 г., когда заявителя взяли под стражу по подозрению в совершении кражи. Затем 16 августа 1999 г. заявитель был осужден Армавирским городским судом, а 20 октября 1999 г. Краснодарский краевой суд оставил приговор в отношении

заявителя без изменения. Таким образом, обычная процедура по рассмотрению уголовного обвинения в отношении заявителя, по смыслу статьи 6 Конвенции, была завершена, и она длилась два года и два месяца, из которых восемь месяцев и десять дней были до вступления Конвенции в силу в отношении России.

90. Однако 2 декабря 1999 г. президиум Краснодарского краевого суда отменил в порядке надзора судебные решения по делу заявителя и направил дело на новое рассмотрение. Таким образом, это судебное решение привело к возобновлению рассмотрения уголовного обвинения в отношении заявителя, и статья 6 Конвенции стала снова применима (см. Постановление Европейского Суда по делу «Еманакова против Российской Федерации» (*Yemanaikova v. Russia*) от 2 сентября 2004 г., жалоба № 60408/00, § 41). Рассматриваемый период окончился 9 февраля 2001 г., когда Армавирский городской суд вынес приговор по обвинению, предъявленному заявителю. Этот период длился примерно один год и два месяца.

91. Европейский Суд счел, что рассматриваемый период, с 29 августа 1997 г. по 9 февраля 2001 г., за исключением периода с 20 октября по 2 декабря 1999 г., когда судебное разбирательство не проходило, длился примерно три года и четыре месяца, из которых два года и семь с половиной месяцев выпадают *ratione temporis* из юрисдикции Европейского Суда.

2. Разумность длительности судебного разбирательства

92. Европейский Суд напомнил, что разумность срока судебного разбирательства должна быть оценена в свете конкретных обстоятельств дела с учетом критериев, установленных прецедентной практикой, в частности сложности дела и действий заявителя и властей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ягчи и Саргин против Турции», § 59).

93. Европейский Суд отметил, что уголовное дело в отношении заявителя не являлось особенно сложным. Оно касалось одного эпизода попытки кражи и участия небольшого числа пострадавших и свидетелей. Что касается действий заявителя, то нет никаких указаний на то, что заявитель в какой-либо существенной мере сам виновен в увеличении длительности судебного разбирательства. Хотя он и подал ряд ходатайств и запросов, большинство из них не повлекли процессуальных задержек. Его ходатайства об ознакомлении с материалами дела были дважды удовлетворены судом первой инстанции, хотя и со значительными задержками, которые не могут быть поставлены в вину заявителю.

94. Что касается действия властей, то представляется, что имели место некоторые периоды бездействия, произошедшие по их вине. В частности, в период с 22 апреля 1998 г. по 29 марта 1999 г. судебных заседаний, за исключением их переносов, не проводилось. После вынесения решения президиума Краснодарского краевого суда

2 декабря 1999 г. об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение, первое судебное заседание в суде первой инстанции имело место только 17 апреля 2000 г. В этот период времени заявитель содержался под стражей, что должно было заставить властей действовать более быстро.

95. Принимая во внимание критерии, установленные прецедентным правом, для оценки разумности срока судебного разбирательства, выводы относительно разумности предварительного заключения согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции, указанные выше, Европейский Суд пришел к выводу, что длительность судебного разбирательства по уголовному делу в отношении заявителя не соответствовала требованию о разумном сроке, установленному в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

96. Следовательно, имело место нарушение этого положения.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОЙ В СОВОКУПНОСТИ С ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

97. Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 13 Конвенции, на то, что у него не было эффективных средств правовой защиты относительно чрезмерной длительности судебного разбирательства по уголовному делу в отношении него. Статья 13 Конвенции в части, применимой к настоящему делу, гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе ...».

98. Что касается доступных средств правовой защиты в отношении чрезмерной продолжительности разбирательства, то власти Российской Федерации сочли, что заявитель мог обжаловать в вышестоящий суд некоторые процессуальные решения суда, рассматривающего дело.

99. Заявитель утверждал, что у него не было эффективных средств правовой защиты в отношении чрезмерной длительности судебного разбирательства, поскольку все его жалобы направлялись без рассмотрения в тот же суд первой инстанции, который и нес ответственность за задержки. Его жалобы на процессуальные решения суда первой инстанции не были рассмотрены.

100. Как Европейский Суд неоднократно указывал, статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты для осуществления материальных прав и свобод, установленных Конвенцией, независимо от того, в какой форме они могут обеспечиваться в национальной правовой системе. Сущность статьи 13 Конвенции состоит в том, чтобы таким образом положение национального права касалось сущности «доказуемой жалобы» в соответствии с Конвенцией и предоставляло надлежащую компенсацию. Объем обязательств

Договаривающихся Государств в соответствии со статьей 13 Конвенции различается в зависимости от сущности жалобы заявителя; однако средство правовой защиты, требуемое статьей 13 Конвенции, должно быть «эффективным» как на практике, так и в теории (см., среди других прецедентов, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, *ECHR* 2000-XI, § 157).

101. Европейский Суд отметил, что власти Российской Федерации не указали, как заявитель мог получить желаемое им – либо превентивно, либо компенсационно, – обратившись в вышестоящий суд. Как представляется, в настоящем деле Краснодарский краевой суд не рассмотрел жалобы заявителя на определения суда первой инстанции о переносе судебных заседаний 20 июля 2000 г. и 18 декабря 2000 г. (см. выше §§ 31 и 36). Его остальные жалобы направлялись в тот же суд первой инстанции в соответствии со статьей 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

102. Таким образом, Европейский Суд отметил, что власти Российской Федерации не указали средства правовой защиты, которые могли бы ускорить разрешение дела заявителя или предоставить ему адекватную компенсацию за уже произошедшие задержки.

103. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции, поскольку заявитель не располагал национальными средствами правовой защиты, которыми он мог бы реализовать свое право на судебное разбирательство в разумный срок, гарантируемое пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 8, 13 И 34 КОНВЕНЦИИ

104. Заявитель жаловался на то, что администрация учреждения системы исполнения наказаний вмешивалась в его переписку с Европейским Судом. Заявитель ссылаясь на статьи 8, 13 (упоминавшуюся выше в § 97) и 34 Конвенции. Статьи 8 и 34 Конвенции в части, применимой к настоящему делу, гласят:

Статья 8

«1. Каждый имеет право на уважение ... его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе ... в целях предотвращения беспорядков или преступлений, ... или защиты прав и свобод других лиц».

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

А. Просмотр переписки заявителя администрацией исправительного учреждения

105. Заявитель утверждал, что его переписка с Европейским Судом вскрывалась администрацией исправительного учреждения.

106. Власти Российской Федерации не оспаривали того факта, что письма, направляемые заявителем в Европейский Суд и получаемые заявителем из Европейского Суда, вскрывались администрацией учреждения системы исполнения наказаний. Однако они утверждали, что в декабре 2003 года произошли существенные изменения в законодательстве Российской Федерации, которыми был установлен запрет на цензуру переписки с Европейским Судом в местах предварительного содержания и исправительных учреждениях.

107. Европейский Суд напомнил, что «вмешательство со стороны публичных властей» в право на уважение корреспонденции нарушает статью 8 Конвенции, если только оно не «предусмотрено законом», преследует одну или несколько законных целей, указанных в пункте 2 этой статьи, и «необходимо в демократическом обществе» для их достижения (см., среди прочих прецедентов, Постановление Европейского Суда по делу «Сильвер и другие против Соединенного Королевства» (*Silver and Others v. United Kingdom*) от 25 марта 1983 г., Series A, № 61, p. 32, § 84; Постановление Европейского Суда по делу «Кемпбелл против Соединенного Королевства» (*Campbell v. United Kingdom*) от 25 марта 1992 г., Series A, № 233, p. 16, § 34; и Постановление Европейского Суда по делу «Ниедбала против Польши» (*Niedbala v. Poland*) от 4 июля 2000 г., жалоба № 27915/95).

108. Не оспаривается тот факт, что переписка заявителя с Европейским Судом планомерно вскрывалась и подлежала цензуре. Таким образом, имело место вмешательство в право заявителя на уважение переписки по смыслу статьи 8 Конвенции.

109. Российское законодательство на момент событий допускало цензуру корреспонденции заключенных, за исключением переписки с некоторыми надзирающими органами (см. выше § 51). Последние не включали в себя Европейский Суд по правам человека. Таким образом, вмешательство в настоящее дело имело

законное основание, и Европейский Суд удовлетворен, что оно преследовало законную цель «предотвращения беспорядков или преступлений». Однако относительно необходимости такого вмешательства власти Российской Федерации не привели причин, которые бы обосновали такой контроль за перепиской с Европейским Судом, конфиденциальность которой должна соблюдаться (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пирз против Греции» (*Peers v. Greece*), жалоба № 28524/95, *ECHR* 2001-III, §§ 82-84). Соответственно, обжалуемое вмешательство не было необходимо в демократическом обществе по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции.

110. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

В. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 8 Конвенции

111. Ссылаясь на статью 13 Конвенции, заявитель жаловался на то, что у него не было эффективных средств правовой защиты в отношении просмотра его переписки с Европейским Судом.

112. Власти Российской Федерации не затрагивали эту часть жалобы в своих доводах.

113. В настоящем деле Европейский Суд установил, что права заявителя, гарантируемые статьей 8 Конвенции, были нарушены. Таким образом, он обладает доказуемым требованием по смыслу прецедентного права Европейского Суда (см., для сравнения, выше § 100).

114. Однако Европейский Суд напомнил, что статья 13 Конвенции не идет настолько далеко, чтобы гарантировать наличие средства правовой защиты, позволяющего оспорить изначальное законодательство Договаривающейся Стороны в национальных органах на том основании, что оно противоречит Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (*James and Others v. United Kingdom*) от 21 февраля 1986 г., Series A, № 98, § 85, и Постановление Европейского Суда по делу «А. против Соединенного Королевства» (*A. v. United Kingdom*), жалоба № 35373/97, *ECHR* 2002-X, §§ 112-113). Жалобы заявителя относились, в сущности, к положениям Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в редакции, действовавшей на момент событий.

115. Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что факты настоящего дела не раскрывают нарушения статьи 13 Конвенции.

С. Воспрепятствование осуществлению права на обращение с индивидуальной жалобой

116. Заявитель утверждал, что он несколько раз писал в Европейский Суд, начиная с 1998 года. Тем не менее, администрация исправительного учреждения отказывалась направлять его письма, и он был вынужден направлять их через родственников. Он утверждал, что его письмо от 8 июня 2000 г. было отправлено только в октябре 2000 года и без приложений. Он также утверждал, что ответные письма из Европейского Суда не передавались ему незамедлительно администрацией учреждения и что некоторые приложения к письмам отсутствовали.

117. В своих доводах по существу дела власти Российской Федерации не согласились с тем, что имело место вмешательство в право заявителя на обращение с индивидуальной жалобой. Они утверждали, что заявитель направлял только две жалобы в Европейский Суд через администрацию места содержания под стражей – 8 июня 2000 г. и 5 января 2001 г., – и обе жалобы были направлены в Европейский Суд. Три ответа, полученных из Европейского Суда, были переданы заявителю без каких-либо задержек или не в полном объеме.

118. Прежде всего Европейский Суд напомнил, что важно соблюдать конфиденциальность его корреспонденции, поскольку она может касаться обвинений в адрес администрации исправительного учреждения или должностных лиц. Вскрытие писем, направленных из Европейского Суда или в Европейский Суд, несомненно, дает основания полагать, что они будут прочитаны и потенциально, при случае, могут создать опасность репрессий со стороны сотрудников исправительного учреждения к заключенному (см., для сравнения, выше §§ 109-110).

119. Европейский Суд напомнил, что важнейшим элементом эффективного функционирования системы индивидуальной подачи жалобы, нашедшей закрепление в статье 34 Конвенции, является возможность беспрепятственного общения между заявителями и Европейским Судом, свободная от какого-либо давления со стороны властей, целью которого является отзыв или изменение жалобы заявителем. В этом контексте «давление» включает не только прямое применение силы и грубые акты устрашения, но также и другие косвенные ненадлежащие действия или контакты, направленные на то, чтобы разубедить заявителей использовать конвенционные средства правовой защиты. Вопрос о том, имели ли контакты между властями и заявителем результатом неприемлемую практику с точки зрения статьи 34 Конвенции, должен решаться в свете конкретных обстоятельств дела. В контексте допроса заявителей об их жалобах согласно Конвенции со стороны властей, осуществляющих следственные функции, решение указанного вопроса будет зависеть от того, включают ли принятые процедуры в себя формы скрытого и неприемлемого давления, которое может рассматриваться как препятствующее осуществлению права на обращение с

индивидуальной жалобой (см. например, Постановление Европейского Суда по делу «Айдын против Турции» (*Aydin v. Turkey*) от 25 сентября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VI, pp. 1899-1990, §§ 115-117; или Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, *ECHR* 2000-VIII, § 130 с последующими ссылками). Хотя в настоящем деле не имеется предположения о ненадлежащем давлении, перехват писем администрацией места содержания заявителей под стражей может препятствовать им в представлении их дел в Европейском Суде.

120. Что касается сущности жалобы, власти Российской Федерации особенно оспаривали достоверность утверждений заявителя. Европейский Суд отметил в связи с этим, что заявитель неизменно жаловался в своих письмах в Европейский Суд на воспрепятствование переписке со стороны администрации учреждения. Одно из его писем, предположительно направленное 25 марта 1999 г. через администрацию исправительного учреждения, так и не дошло до Европейского Суда. Власти Российской Федерации не прокомментировали этот момент. Письмо заявителя от 8 июня 2000 г. содержит почтовый штамп от 20 октября 2000 г. и не содержит приложений, указанных заявителем. Европейскому Суду не были представлены объяснения по этому поводу, равно как и копии документов, подтверждающих более раннюю отправку этого письма.

121. Журнал регистрации переписки, копии которого представлены властями Российской Федерации, содержат указание только на три письма, полученные заявителем из Европейского Суда в период 1998 – 2000 год. При этом список писем Европейского Суда, направленных заявителю через администрацию исправительного учреждения в тот же период, включает в себя, как минимум, десять писем, два из которых были направлены заново, поскольку на них не были получены ответы заявителя. Европейский Суд счел, что такое расхождение не может не поставить под сомнение точность регистрации писем, представленной властями Российской Федерации. Европейский Суд пришел к выводу, что властями Российской Федерации не представлены обоснованные объяснения в ответ на неизменные и заслуживающие доверия утверждения, сделанные в соответствии со статьей 34 Конвенции, о воспрепятствовании в осуществлении права на обращение с индивидуальной жалобой.

122. К тому же, Европейский Суд отметил, что заявитель находился в особенно уязвимом положении, поскольку он находился под стражей и зависел в своей переписке с Европейским Судом – и остальным миром – от администрации учреждения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Котлец против Румынии» (*Cotlet v. Romania*) от 3 июня 2003 г., жалоба № 38565/97, § 71). До вынесения решения по вопросу приемлемости 14 октября 2003 г. у него не было представителя при рассмотрении дела в Европейском Суде.

123. В свете изложенного Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 34 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

124. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

125. Заявитель потребовал возмещения причиненного ему морального вреда и компенсации судебных расходов и издержек. Власти Российской Федерации оспорили его требования.

А. Моральный вред

126. Заявитель потребовал 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Он утверждал, что длительность его предварительного содержания под стражей, длительность разбирательства по уголовному делу в отношении него и вмешательство в его переписку с Европейским Судом привели его в чувство потерянности, неопределенности и беспокойства, которое не может быть компенсировано лишь самим фактом установления нарушения.

127. Власти Российской Федерации заявили, что сам факт установления нарушения будет представлять собой достаточную справедливую компенсацию.

128. Европейский Суд установил в настоящем деле, что было бы разумно предполагать, что заявитель испытывал душевные страдания и чувствовал себя потерянным ввиду необоснованной длительности предварительного содержания под стражей и разбирательства по уголовному делу, равно как и ввиду вмешательства в его переписку. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил заявителю в связи с этим 5000 евро.

В. Судебные расходы и издержки

129. Заявитель потребовал компенсации следующих расходов и издержек: 2150 евро за работу его московских представителей (43 часа по ставке 50 евро в час) и 1100 фунтов стерлингов за работу его лондонских представителей (11 часов по ставке 100 фунтов стерлингов в час). Помимо этого он потребовал компенсации почтовых расходов в сумме 500 евро.

130. Власти Российской Федерации сочли эти требования чрезмерными и необоснованными.

131. Европейский Суд напомнил, что чтобы судебные расходы и издержки были возмещены в соответствии со статьей 41 Конвенции, должно быть установлено, что они были необходимы и действительно понесены, а также были разумными в своем размере (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нильсен и Йонсен против Норвегии» (Nielsen and Johnsen v. Norway), жалоба № 23118/93, *ECHR* 1999-VIII, § 62).

132. Европейский Суд отметил, что в настоящем деле представители заявителя вступили в рассмотрение дела после того, как жалоба была объявлена приемлемой, и что вызывает сомнение то, что подготовка доводов заявителя по существу дела потребовала такой интенсивной работы трех юристов. Тем не менее, заявитель понес определенные судебные расходы при рассмотрении настоящего дела.

133. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил заявителю в связи с этим 800 евро.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

134. Европейский Суд счел, что годовая процентная ставка при просрочке платежей должна рассчитываться на основе простой кредитной ставки Европейского Центрального Банка плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) постановил, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
- 2) постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
- 3) постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
- 4) постановил, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции, взятой в совокупности с пунктом 1 статьи 6 Конвенции;
- 5) постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
- 6) постановил, что нарушение статьи 13 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 8 Конвенции, места не имело;
- 7) постановил, что имело место нарушение статьи 34 Конвенции;
- 8) постановил:
  - а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы, подлежащие переводу в национальную валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
    - (i) 5000 (пять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда;
    - (ii) 800 (восемьсот) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
    - (iii) сумму, которая может быть начислена на указанные выше суммы;

b) что с момента истечения указанного трехмесячного срока до момента выплаты будут начисляться проценты на основе простой кредитной ставки Европейского Центрального Банка плюс три процента за весь период задержки выплаты;

9) *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 30 ноября 2004 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

С. ДОЛЛЕ
Секретарь Секции Суда

Ж.-П. КОСТА
Председатель Палаты Суда